

Оберег с бородой. Чучела.

Образ жизни в каждой из стран накладывает определённые ожидания и стереотипы поведения на своих граждан. В богатой, культурно обустроенной и довольно-таки изнеженной Европе людям запросто может придти в голову на выходные сгонять в Турцию, позагорать на тёплом побережье Средиземного или Чёрного морей, попить тропические коктейльчики, лёжа на пузе под палящим ультрафиолетом юга и уже к началу рабочей недели вернуться обратно, как ни в чём не бывало, так, словно провели все выходные перед телевизором, запивая ритуал циклического переключения каналов чем-нибудь хмельным и отупляющим.

Для подавляющего большинства жителей России полёты за границу на уикэнд были и остаются не только недоступной роскошью, но и как-то исключаются даже на базовом уровне менталитета россиян. Такие идеи о перелётах в Турцию кажутся чем-то диким, странным, да и просто не приходят в голову. Уж если и собрался куда-то отправиться, то сначала всё это нужно дотошно и утомительно долго планировать, усиленно и усердно прокрастинируя при этом всей душой лентяя, на протяжении нескольких месяцев мечтать, сомневаться, отказываться и заново начинать готовиться с нуля. По данной причине, гармонично сочетающейся с, прямо скажем, невысоким заработком подавляющей части населения страны, эта самая подавляющая часть сограждан предпочитает, как правило, развлечения, хоть и не столь экзотические, однако же гораздо более дешёвые и легко достижимые.

Один мой знакомый может часами лежать в масле и ржавчине под любимым средством передвижения, а затем ещё столько же рассказывать, что и где он там откручивал, прикручивал и перекручивал. С ним по заикленности может сравниться только заядлый охотник или рыбак из соседней квартиры. Из даже самой короткой беседы с ним можно уяснить, чем отличается охота на кабана от охоты на медведя или как отличить качественную мармышку от бесполезной.

А когда я вечером уже отхожу ко сну, из соседней квартиры снизу доносятся звуки взрывов и канонады танковых залпов - там обитает, усердно и заядло танкуя по вечерам на полях виртуальных баталий, студент Виталик, имеющий дурную привычку выходить на поле боя с колонками вместо наушников. Уши у него от наушников болят, видите ли! А мне затем очереди его снарядов до пяти утра выслушивать через стенку...уж лучше бы был линейщиком. Короче говоря, у каждого свои тараканы в голове, и я, должно быть, также не исключение из этого всеобщего правила социальных связей и взаимоотношений. И циник, к тому же, до мозга костей, которые я как раз перемывал всем знакомым, размышляя о жизни.

В этот самый момент электрического путешествия вдоль рельс и шпал железной дороги, пейзаж за окном моего вагона приблизился к заветной отметке, прозванной людьми прошедших лет “сорок второй километр”. Место это было благодатным просто до предела, но грибниками не особо-то и облюбованным. Почти идеальным для любителя тихой охоты. Быть может, именно малоизвестность и непопулярность позволили сохранить в лесах грибным местам свою...гигагрибность! Я ведь этих чудаков знаю, всё одно, что своего соседа-танкиста, почти в лицо - набегут, всё вытопчут, подберёзовики с опятами смешают, маслята с боровиками повывёртывают, и даже мухоморы с поганками не пощадят - есть, уж поверьте мне на слово, среди нас и особые ценители подобных грибов.

В общем, вылез я с лукошком из электички и побрёл по едва заметной и практически нехоженной просёлочной тропинке. Грибов и впрямь оказалось не просто много, а много до невероятности, удивительности! Уже через полчаса ходьбы по дорожке я без особых усилий сумел набрать их целое лукошко, так что весь азарт куда-то сразу порастерялся. Действительно, какая уж тут охота, пусть и тихая, если добыча сама чуть ли не прыгает охотнику в ловушку - в данном случае - в корзинку? Любая охота, по-моему, предполагает определённые усилия, внося элемент соревновательности при целой системе тонкостей и хитростей.

Грибник, если он действительно профессионал, а не просто там любитель какой-то, должен уметь распознать по ряду признаков, найти и поймать свою добычу, ну или хотя бы просто срезать у добычи ножку под шляпкой чем-нибудь подходящим для срезания, задача гриба же заключается в том, чтобы затаиться где-нибудь под грудой листьев, оказавшись как можно более незаметным для своего охотника, не попадаться ему на глаза, либо отпугивать тварей дикого леса своей агрессивно-хищной, почти тропической, расцветкой.

Сейчас же у меня складывалось странное впечатление, что, как говорится, на ловца и зверь бежит. Грибы совершенно не старались прятаться, и даже наоборот, словно бы тянули ко мне свои шляпки, выстраиваясь друг за другом ровными равноинтервальными рядами. Через некоторое время эти ряды заменили мне тропинку, так что ориентироваться в лесу не представляло никакой сложности. Когда в лукошко не входил уже ни один гриб, я позволил всё же себе расслабиться и прикрыть глаза. Под тёплыми лучами, пробивавшимися через два теневых слоя оптофильтрации - густую, маслянисто-ароматную хвою и через мои слегка красноватые изнутри веки, сознание словно бы утонуло в мшистом релаксе звуков, шорохов и абстрактных предчувствий, излучаемых окружающим меня пространством царственно-медитативного леса, казавшегося наполненным скорее уж звенящей тишиной рыже-смолистой певучей древесины, нежели едва заметным шевелением под листьями микроскопическими членистоногими местными обитателями, вершащими свои обыденные каждодневные дела под сенью тёмно-зелёной хвойной многометровости.

Когда-то давно, ещё в детстве, я, помнится, подтянулся на горизонтальной ветке дерева и обнаружил на ней целый город. На пластинке ровного деревянного асфальта над верхней частью ветки дерева мегаполисом высились небоскрёбы каких-то поганок, между которыми нелепым, точно подчинённым в своей логике энтропии броуновского движения, алгоритмом сновали в разные стороны мельчайшие чёрные древесные муравьи, не останавливаясь ни на мгновение. Я подумал тогда, что соотношение микроскопического и космического зависят только от позиции наблюдателя, что вообще не существует никаких границ и никаких пределов, в которых могло бы закончиться нечто малое и начаться иное, имеющее в своей первооснове астрономические масштабы. И, быть может, здорово вот так вот взять и стать вдруг чёрным муравьём с бронированно-блестящей хитиновой тушкой, пожить в огромном мегаполисе древесных поганок и умудриться дойти до самого края света, то есть ветки, зная, что под тобой простирается почти бездна, а над тобой то и дело выплывают пористые тучи человеческих лиц, лиц этих странных мягкотелых существ, столь непохожих на тебя самого.

Я заглядывал тогда под ветку - и реальность снова обретала собственную обыденность, дерево делалось опять деревом, небоскрёбы обращались поганками, а я - маленьким человечком лет пяти от роду. Но стоило лишь подтянуться и зависнуть под муравьиным городом, как окружающее пространство заново преобразовывалось самым наичудеснейшим образом, человеческие постройки словно бы исчезали из виду, оказываясь где-то за гранью воспринимаемого неохватными для обозрения, а я вдруг превращался почти что в титана, довлеюще нависающим над миллионным городом...

Все эти приятные ощущения и впечатления настолько увлекли мой разум тогда, что казалось, будто бы в жизни больше ничего нет, кроме клочка земли, ощущаемого где-то далеко под ногами, затенённых переливов греющих и почти что душевно тёплых солнечных лучей, в игре которых тело приобретало весьма приблизительные границы и начинало парить где-то между этими двумя сторонами мира, притом ещё и отдельно от разума, обитавшего в тот момент непонятно где и столь же неясно чему или кому принадлежавшего.

Когда же я всё-таки, вернувшись в настоящее, нашёл в себе силы открыть глаза, то понял, что не могу определить своё местоположение. Или, проще говоря, я банально заблудился в лесу. Так вот глупо - замечтавшись. Нелепо, понимаю, но я выбрал первое попавшееся направление и пошёл с полным лукошком своей молчаливой добычи в надежде не то, что лес должен вот-вот закончиться. Реально, я понятия не имел, в каком направлении двигался всё предыдущее время, поэтому ориентироваться по природным признакам смысла не было, равно как и по компасу, а симисотрублёвый мобильник-"кирпич", мирно дремлющий в кармане не только в жизни ничего слыхом не слыхивал о GPS, но даже не желал просто ловить сеть в здешних лесных далях. У леса, как казалось,

были совершенно иные планы касательно меня, чем у меня - относительно леса, и он становился с каждой минутой моего пути лишь гуще да глуше.

Впрочем, времени с момента приезда на станцию “сорок второй километр” натикало часа два или два с половиной, солнце высоко висело над горизонтом, поэтому я решил особо-то не расстраиваться, а вместо всевозможных причитаний, воспользоваться вынужденной возможностью подольше погулять на свежем воздухе, и, если бы не летнее неудобство, принимавшее форму периодически то там, то сям покусывавших комаров, то бор вполне можно было бы назвать идеальным. Да, и то верно - смешанный лиственный-хвойный лес давным давно закончился, и теперь воздух пронизывали насквозь фитонцидные испарения ароматных смол над чуть похрустывающим игольчатым пологом почвы.

Так я шёл ещё часа четыре. Вконец измучившись продираться сквозь вдруг окружившие меня цветасто-зелёные заросли высоченного лопухого кипрея, я обнаружил на поляну какую-то постройку. Выглядела она довольно ветхо, притом как бы сливаясь с окружавшей меня травянистой растительностью. В основе постройки лежал бревенчатый сруб из круглых пузатеньких полешков-близнецов, окна в хижине были маленькими и мутноватыми на вид, точно подслеповатые глаза глубоководной рыбы, которую вдруг поразила неизвестная науке форма морской придонной катаракты, входная же дверь на пытающих слух ржавых петлях рассохлась и покосилась, тогда как крыша, едва присыпанная проквашенной временем соломой, продавилась вовнутрь, приобретя незабываемый для взора пыльно-пепельный цвет бархатистой шкурки домашней мыши. Если здесь кто-то когда-то и обитал, то уж точно прекратил это делать ещё лет этак н-цать назад.

Ноги у меня гудели от усталости, поэтому я решил воспользоваться возможностью слегка передохнуть на своём пути, да и солнечный диск уже довольно-таки недвусмысленно клонился к закату, а перспектива ночевать где-нибудь на веточках прельстить никак не могла. Конечно же, здесь не водились никакие крупные хищные звери, которых стоило бы серьёзно опасаться, от их присутствия варварским путём избавились ещё первые поселенцы здешних мест, в числе коих были мои пра-пра-пра-прадед и пра-пра-пра-прабабушка, да и в случае опасности мне ничего не стоило подпрыгнуть ночью метра на три, буквально взлетев на нижний ярус сосновых ветвей, как в школе учат летать, на уроках физкультуры. У вас ведь тоже была когда-то в детстве сдача нормативов по прыжкам в высоту? Вот то-то и оно! Не скажу, что я прям такой уж и спортсмен, но, по-моему, взять планку прыжка на трёхметровую высоту - это, право слово, плёвое дело для каждого!

В домике оказалось удивительно чисто и опрятно, хоть и деревянную нелакированную мебель вряд ли можно было назвать шибко уж изысканным убранством из разряда дворцовых произведений искусства, а пучки соломенной

травы на койке, в которой стопудово водились какие-нибудь букашки-таракашки и клопики-микробики - мягкими перинами, дошедшими до нас в лучших культурно-эстетических традициях времён эпохи просвещённого Абсолютизма в России и Европе. Из всех украшений, если, конечно, их можно было назвать таковыми, взгляд задерживался только на страхолюдненькой такой маске из бересты, к которой была приделана внушительного размера патриархальная борода из густых и длинных седых волос.

Долгое путешествие по лесу настолько меня измотало, что я сам не заметил, как уснул, а проснувшись, обнаружил рядом с собой какого-то старика странноватой, точно бы по-внеземному худощавой внешности, зачем-то нацепившего себе на явственно крючковатое лицо берестяную маску, под которой абсолютно бессмысленно было пытаться разобрать его морщинисто-потемневшие, точно сущёное яблоко, черты и выражения каких-то эмоций. Он ничего не делал, а просто ходил и ритмично так тряс бородой. “И что же ты творишь-то такое!” - старик возмущённо ткнул скрюченным сучком своего указательного пальца в разноцветную горку рассыпчатых грибов, торчащих из моего лукошка.

Я заглянул вовнутрь, и в этот самый момент показалось какое-то чудесного свойства движение. Грибное содержимое начало вращаться с трудновыразимой скоростью, точно бы подчиняясь какому-то давно забытому, но при этом легко воспроизводимому алгоритму, определяющей мгновение узорчатой волне, знакомой каждому человеку с самого раннего детства. И тогда оказывается, что достаточно всего лишь воспроизвести этот алгоритм человека в рисунке или в музыке для того, чтобы разум, восприняв знаковую сущность этого узора, являвшего будто бы ключ к глубинам восприятия, дабы отключенный разум прекратил отличать себя от окружающей действительности, на делее, скорее уж интегрируясь в безграничную самоконтинуальность безраздельности.

Это растворение в окружающей реальности, по сути своей, открывало массу довольно-таки интересных фишек, которые раньше также были доступны, но в том-то и суть, что вся разница между прошлым и настоящим состояла в разделении представлений. Если в прошлом все эти возможности казались круглым скользким мячом, висющим где-то на расстоянии не меньше километра, притом, что и этот километр невозможно было бы преодолеть в принципе, ведь прямо перед носом нависала чуть мерцающая бронебойная стеклянная ограда. Через неё запросто можно было наблюдать за частью всего происходящего за её пределами, однако же другую часть она при этом отражала обратно, надёжно скрывая от любого любознательного и любопытствующего взора. Понять, что именно она отразит, а что - покажет, было задачей не из лёгких, ведь и здесь присутствовал какой-то трудноразличимый алгоритм, сокрытый от непосвящённого в эти потусторонние тайны взора, да и от любого взора вообще,

если уж честно. Теперь же загадка куда-то неведомым мне способом исчезла, а до следующего мячика дотянуться было просто пара пустяков.

Я моргнул и ещё раз посмотрел в лукошко. Никакого движения там отродясь не было. Станный старик в берестяной маске как-то странно посмотрел на меня и прошепелявил: “Да ведь? Ты также видел, как танцуют грибы? Разгадка этой всемирной загадки сокрыта от нас на самой поверхности - они танцуют и не танцуют на самом деле одновременно!”

Признаюсь честно, я всегда недолюбливал тех, кто любит говорить загадками и недосказанностями. Хочешь поведать мысль - так и передавай её прямо, неужели же так сложно поменьше использовать все эти полунамёки, полувзгляды и полуинтонации? Чудесно, нечего сказать! Дед старый, дряхлый, с длиннющей седой бородищей, похожей на водопад или конский хвост, а изъясняется, как пафосная малолетняя девица, стремящаяся посредством гламурной псевдозагадочности казаться интереснее и интеллектуально сложнее самой себя с целью привлечь побольше гоповатых самцов, повысив шансы на продолжение своего генетически ущербного рода. Впрочем, нет, мозгов-то у деда побольше - не успел, поди, ещё порастерять, хрыч, то, что клубно-коктейльная чикса, по-видимому, никогда и не приобретёт - ну, у неё просто другие рабочие части тела в жизни используются, и мозг отнюдь не из их числа. По крайней мере, не у всякой из их числа. А вот зато дед - совсем другое дело. Ему мышление необходимо! Рассуждения! Доказательства! Философия!

Так я подумал, а вслух сказал: “Если все эти грибы не танцевали, то как же я собственными глазами наблюдал их танец?” Дед слегка и недолго помолчал, побряхтел, почесал едва запотевшую проплешину и, наконец, собравшись с духом, просвистел на выдохе: “Танцевал ты сам, а грибы просто смотрели. Когда ты достигаешь подходящего минимального уровня саморассмотрения, самолюбования и такого автоматического и свойственного каждому нарциссизма, то, стоит лишь на миг отвлечься от распознавания в потоке образов самих образов, которые ты стараешься распознать, и та самая часть тебя, которая превращала перерабатываемые энергией разума волны в образы, начинает, вместо волн, отражать сама на себя алгоритм воссоединения с видимой тобой части Реальности. Как только это происходит, ты, вместо мира, начинаешь собирать сам себя. И если раньше ты всеми своими астральными полушариями напоминал просто ходячий алгоритм, превращающий чудом пробравшиеся вовнутрь тебя колебания энергии в математические формулы, то теперь и сама по себе превращаешься в функцию, которая вычерчивает зеркальные графики, согласуя их с областью принимаемых ей значений.”

Я подумал, что старик, однако же, не просто странноват, каким показался в начале, а уж как бы он не рехнулся окончательно, будучи, вероятно, в прошлом знаменитым профессором, с возрастом впавшим в маразм или достигшим просветления ввиду своей вполне очевидной и успешной эскапизации и

десоциализации в течение, скорее всего, не менее десятка, а то и нескольких десятков лет в этой диковатой лесной чащобе. Ещё я задумался о словах, сказанных стариком, а точнее - попытался понять их смысл. Однако домыслить все крутившиеся у меня в голове идеи насчёт алгоритма, который вычерчивает непонятно где графическое отображение самого себя, являя при этом непонятно что, я уже не успел.

Старик вдруг выпучил глаза и как заорёт во весь голос: “А ну не наступай на порожек - в огороде огурцы не уродятся!” Я посмотрел во внутренний дворик сквозь едва пропускавшие свет мутные окна и заметил, как под давлением неудачливости моей пяты, наступившей на порожек, сворачиваются в трубочку и, иссохшись, осыпаются, бедные листья огуречной ботвы. Стоило мне призадуматься уже по данному поводу и начать слегка почёсывать подбородок, как дед снова возопил: “Не чеши подбородок - к ушной сере муха прилипнет! Что ты, право, как маленький, будто не знаешь!” В ту же минуту жирное, как бомбовоз, жужжащее создание с брюшком, отливающим изумительным изумрудно-металлическим оттенком хитинового покрова под лёгким шипастым насекомым пушком на самом кончике своей тушки, прицельным тараном ввинтилось в моё ухо и принялось там жалостливо трепетать крыльями минерально-слюдяного блеска. Я начал прыгать на одной ноге и трясти головой, пытаюсь вытряхнуть муху из уха, но у хозяина дома и на это действие была уготована своя присказка: “Кивать, прыгая на одной ноге - плохая примета: цыгане найдут.”

Несколько мгновений мне казалось, что ничего не происходило. Но раздавшийся спустя эти несколько мгновений просто нечеловеческий грохот в дверь возвестил нас о том, что что-то всё-таки да происходит. Постоянно. Всегда. И не прекращая ни на квант времени. Дверь распахнулась, и с романтически-лёгким бризом приморской свежести в хижину ворвался целый табор, замелькав вокруг кружащимся потоком народно-залихватской свистопляски. Мне показалось, что их пятнисто-цветастый узор, став в своей скорости совершенно неразличимым, перешёл на новый уровень или на новую стадию, превратившись в тякуче-дымчатую дифракцию, анимированно расползающуюся разноляпистыми муравьишками кругляшковых и ромбиков. Если сначала он производил впечатление, как минимум, нахождения внутри медитационного буддийского барабана, а как максимум - центрифуги для подготовки космонавтов дальнего следования, то впоследствии превратился в самый натуральный смерч, разбушевав бурю в хибаре.

Тогда старик, стоявший непоколебимым дубом в центре мельтешащей, как мошара, стихии бурных плясок, ногтями выдрал одну из досок в полу дома, казалось, лишь едва двинув своим скукоженным коричневатым шерстистым мизинчиком, прихрипнув недовольно так: “Вот ты учудил-то! Так-то бывает, если не знать миропорядка. Особливо примет мудрости народной, лесом

благословлённой, бруньками дегтярными, вениками ароматными да парилкой ядрёной крутизны!”. А так, в общем, дед-то одной левой доску вспучил! А может, и половиной правой впридачу ко всему. Я как-то не заметил, не обратил внимания просто.

В образовавшуюся в полу дыру он прямо вот так весь и запрыгнул. Сложил руки по швам вдоль плеч, составил пяточки вместе, аки пловец какой, гимнаст ли, два раза подпрыгнул в направлении щели от выдранной из пола доски. Так ещё прыгают, знаете ли, когда в мешки залазят - маленькие такие прыжочки получаются, смешные, как у тушканчиков с хвостиками. Или даже проще - смешные, как улыбки хомячков. Ещё один прыжок хозяин дома совершил на месте, точно бы морально подготавливаясь к предстоящему полёту, и, в конечном итоге, набрав в лёгкие побольше воздуха, влетел ракетой в образовавшуюся дыру. Вокруг тут же нечто отчаянно засвистело - воздух гулко ринулся вослед за стариком.

Я подбежал к щели в полу и обнаружил, что за ней сияют россыпями мириады ультрафиолетовых солнц, и клубятся переливчатые туманности. Зрелище открытого космоса было настолько завораживающим, притягательным и захватывающим внимание, что я и сам чуть ли не последовал за престарелым прыгуном в расселину межгалактической пучины. Кроме того, меня просто туда засасывали вихри вылетающей в вакуум атмосферы. Однако окончательно вытолкнуть меня наружу ей не удалось - в дырку засосало несколько танцующих цыган, заткнув ими космос, как пробкой слив в ванной.

И как раз в тот самый момент, когда невыносимый свист вылетающих, как из проткнутого шарика, воздушных масс прекратился, сверху нечто, похожее на балку, с грохотом и треском свалилось, обрушившись прямо по темени. Раздался просто невообразимый гул, как будто безвестный негодник и хулиган что было сил треснул стальной ложкой по кастрюле вместимостью с ведро. Перед глазами на какой-то миг проскользнули ёлочки, изрядно так смахивающие на детский рисунок, а также к ёлочкам чуть позже прибавились разноцветные человечки и рождественские олени. С приходом оленей я повалился в тёплую и податливую темноту, в которой, казалось, не было ни времени, ни пространства, ни памяти, ни себя, ни других - и вообще ничего там не было, кроме ощущения движения и расширения сразу во все стороны, такого расщепления или раскрытия бутона - кому уж какое сравнение больше по душе приходится.

Это было подобно ощущению себя Вселенной в тот момент, когда она вдруг взвалась из состояния изначальной своей первичной сингулярности, породив что-то такое абсолютно неопишное, но иногда даже поддающееся восприятию и, если очень постараться, то и трактовке на близком для этого восприятия языке. Это астрономическое расцветание, не прекращаясь ни на миг, тем не менее, казалось застывшим в вечности мигмом безумной восторженно-экстатической офории от простого факта существования, самосознания и возможности отразить

неотразимое. У любого расцветания всё же существуют определённые пределы. Изначальный предел расцветания - это конечная секунда до раскрытия бутона, конечная же точка - это то состояние, при котором бутон начинает являть из себя уже готовый к обозрению цветок. Здесь же не было точек мер и весов - только сам процесс бесконечно продолжающегося расцветания, который, не имея никакого внешнего проявления движения, всё же имел определённое движение внутреннее. Создавалось такое впечатление, что я и сам превратился в этот постоянно раскрывающийся - и никак не смеющий остановиться в своём цветении - бутон, правно движущийся вширь практически с бесконечной скоростью, которую решительно невозможно было оценить за отсутствием не только каких бы то ни было пространственных ориентиров, но и, собственно говоря, самого пространства.

Оставшимися проблесками разума я подумал, что моё состояние изрядно смахивает на надувающуюся розовую жвачку с клубнично-фруктовой синтетической вонью. Может быть, прямой сейчас сидит какой-нибудь детсадовец и жуёт подслащённое следствие нефтедобычи и нефтепереработки, раздувая перед собой очередные варианты параллельных миров и квантово-псевдослучайных измерений, радуясь хищной окраске бабочек ярко-кислотных тонов на их мелкочешуйчато-голографических крылышках, ясному тёплому солнышку и тому, что детсадовец этот ничем, в общем-то, не обязан, будучи, по чести говоря, просто едва вступившим в очередную инкарнацию обалдуем - ничем не лучше и ничем не хуже других таких же обалдуев, как он сам. И в данный момент его заботит поэтому лишь одно: как бы из резинового, с ароматизаторами и красителями, кусочка во рту раздуть шарик побольше. И лопнуть его. А потом ещё разок повторить. И лопнуть опять. И ещё разок. Очень-очень большой хотелось бы шарик раздуть - вдруг на нём можно будет улететь в заморские страны - летали же люди как-то на цеппелинах, а? Цикл сей повторять практически до бесконечности - вот рецепт беззаботности! А бесконечность продлится ровно столько, пока у него мама жвачку нафиг не вытащит - дабы пыль не собирал, сопливый засранец такой.

Весь нехилый прикол для меня был пребывании в качестве этой самой жвачки в слюнявом рту демиурга миров. Впрочем, ничто не мешало мне быть параллельно ещё и звёздным бутоном галактических спиралей. И вот тут шарик как лопнет! Все гиперпространства, дотолё расплавленные в тигле где-то внутри меня, как капюшон готов бывает вывернутся из-под воротника, заново свернулись в точку сингулярности вместе с посещением озарения, что эта точка сингулярности и есть ничто иное, как вся обитаемая и не очень обитаемая многомерная Вселенная, а предыдущие же мои ощущения цветения - не более, чем хитровыверты столь же расширяющегося, как и бутон, разума, устремлённого вобрат в себя как можно больше разнообразных элементов, обрабатывая их

через алгоритмы, перенятые от узоров огненной пляски грибов хозяина лесной хижины. Увиденные мной в лукошке.

Когда же вбить оказалось больше нечего, то безграничность, слившись с ничто воедино, предстали в своём истинном свете, а разум, потерпевший наконец-то фиаско, должен бы уступить место довлеющей самоочевидности, более ранней по своему происхождению. А старшим, как известно, принято уступать место. Хотя, если бы эта точка продлилась во мне бы ещё на бесконечность бесконечностей дольше, то, наверное, вы бы никогда не увидели эти заметки. Однако же, вы их видите перед собой, а это означает только одно - долго ли, коротко ли, а всё-таки очнулся я от чудесного разноцветного оцепенения.

Когда я пришёл в себя, то не обнаружил рядом ни старика, ни оторванной от пола доски. Обнаружился, однако же, “виновник” всяческих разных подразбуханий, распуханий и расцветаний - рядом валялся бубен. Самый что ни на есть настоящий бубен - большой, округлый, с различной первобытной графикой на своей кожистой поверхности - человечки, ёлочки и олени. Стоп! Уж не они ли привиделись мне в процессе проваливания? А если и так - то пускай, действительно, какое это знание сейчас уже могло иметь значение? Бубен, судя по его формам и размерам, должен был звучать очень даже гулко! По всей видимости, он гулко и прозвучал. Когда сверху мне на голову свалился. И никакая это, оказывается, не балка была, а очень даже музыкальный транспорт для путешествий по небу. Примерно, как разукрашенный автобус “Furthur” у хиппи в своё время, только не для хиппи, а для неба. Но вот дедулю поблизости найти не удавалось. Как сквозь землю провалился! А может, и правда он...того...сквозь землю-то - и тудыть его, не знамо куда.

На стене, тем не менее, появилось в некотором роде странноватое в некотором роде украшение - насколько украшением можно было считать inferнального вида маску с длиннющей седой бородой. Та, берестяная, что была дотоле, поверьте, ей и в подмётки даже не годилась! Маска казалась просто огромной и занимала почти полстены, однако же и сходства с африканскими масками не имела, напоминая что-то не то бурятское, не то хакасское, не то тувинское. Сделана маска была из бледной высушенной морщинистой и порастрескавшейся сразу в нескольких направлениях кожи. Прорези для глаз были обведены иссиня-фиолетовой краской, а борода на маске лоснилась, точно чётки из рудракши, свежесмазанные благовонным маслом и окуренные сандалово-амбровыми палочками и молодыми веточками можжевельника. Впрочем, не исключено, что именно так дело с бородой и обстояло на самом деле.

По всей поверхности масочной кожи пестрели, дурацкие на вид, искажённо-неказистые, будто бы прыгающие, ёлочки, так что лицо это на какое-то время виделось, если исхитриться воображением, подобием

по-малевически примитивистическим пейзажем, картинно изображавшим для искушённых умов закатно-алый лесной ландшафт. Или лес, пылающий пожаром. Всё здесь зависело от направленности сложной и интересной штуки в нашей голове, обеспечивавшей восприятие - а искусства в том числе. Если это искусство. А отчего бы не искусство-то, а? Малевич же с его аляповатыми холстами, достойными скорее уж первоклассника, чем первоклассного художника - искусство! Чем ёлочки на бубне хуже нарисованы? Значит, тоже искусство. Так?

Или вот еще: были, к примеру, у человека тапочки, тёплые, обожаемые. Очень уж он их любил, как поп собаку, каждый день надевал и даже на работу в сумочке таскал. Дамской, чтобы они там себя чувствовали во сто крат комфортнее. Или в девести. Вот как человек к тапочкам нежно относился! А в один прекрасный солнечный день проснулся человек не с той ноги, да ногу-то себе и подвернул, будучи в этих самых тапочках, прошу заметить. Он их так любил, так уж любил, а тапочки человека подвели, почти что предали.

Вот и получается, что ходит он теперь, бродит, да в глубине души рассуждает так: “Вдруг, если я опять эти тапочки надену, то и ногу себе вновь подверну какую-нибудь из всех двух?” И не надевает тапочки поэтому. День не надевает, два не надевает, месяц, год, долгие-долгие годы он их не надевает. А тапочки только знай себе лежат себе где-нибудь в чулане тихонько, пылятся да по хозяину скучают. Да только хозяин их уж ненавидит люто, ведь каждый раз, как взгляд его падает на тапочки, в памяти ясно и чётко, будто только что произошло, всплывает то достопамятное событие, как он в тапочках этих ногу, значит, подвернул. И вот, в конце концов, берёт он их и выкидывает, да ведь, взаправду, тапочки-то тут ни при чём совершенно, они вообще ничего знать не знают про ногу его подвёрнутую. Да и знать не могут, поскольку они - тапочки. Человеку бы мозги на место вправить как раз не мешало бы, так ведь нет же - тапочки у него виноваты!

А творится подобное практически с каждым в жизни, причём сплошь и рядом: если был человек в дурном настроении где-то, то и местность эта становится для него довольно-таки неожиданно неприятной и оказывается таковой впоследствии. С окружающими людьми творится то же самое, что и с местностью - сколь бы милейшим не был человек, но если он мало знаком нам, то лишь стоит с этим человеком оказаться не в то время и не в том месте, или если он сам не в настроении и сумел испортить настроение окружающим - и вот он уже почти что становится врагом народа. Другие же люди, будучи мерзкими в мыслях и гадкими по поступкам своим, всё же умело производят на окружающих вполне приятное впечатление, чем умело пользуются в выгодный для себя и - часто - не столь выгодный для других момент. Поэтому постоянное “вправление мозгов” - это не то, чтобы цель, а скорее даже ежедневный образ жизни, пригодный для разумной особи рода человеческого, иначе особь эта рискует навеки превратиться в запрограммированного общественной направленностью

биоробота, ничем не лучше того человека, который всегда готов выкинуть некогда любимые, обожаемые и уважаемые мягкие тапочки. Короче, вы поняли.

Тем временем, я заметил, что над исполинской сибирско-алтайской маской нависает ещё один бубен. Интересно, ну правда, а сколько вообще бубнов есть у чудаковатого хозяина дома? На этот раз сей бубен оказался совсем другим - ещё большим по размерам, старым-престарым и, к тому же, рогатым. “Нижнего мира, бубен-то, стало быть, для исцеления используется”, - подумал я, грустно усмехнувшись собственным мыслям. - “Его ещё тут только не хватало мне, вот право слово!”. Тут мне на секунду померещился мрачноватого вида знахарь, ведущий в Нижнем мире нечто наподобие конференции с участием корней болезней, которые, произрастая на грядках между гранями мировых истоков, отвечали знахарю глубокими и гулкими голосами, требуя маленький кусочек силы взамен исцеления, чтобы вновь возродиться уже в ином месте и на свежей почве.

С висящей же на стене маской происходила странная вещь - чем ближе я к ней подходил, тем меньше она становилась по размеру. Если из дальнего конца комнаты маска производила впечатление просто исключительно гигантской и занимающей чуть ли не всю стену, то вблизи оказывалась размером с какой-нибудь медальон, оберег или амулет, так что её очень даже запросто можно было разместить в раскрытой ладони. Я снял оберег с бородой со стены и положил его в карман. Борода на обереге также превратилась в какой-то почти микроскопический клочок волос, похожий на оторванный или даже случайно выдранный ус, кое-как прилепленный к оберегу нашлёпком канцелярского клея. Я принялся танцевать. Не знаю точно, что меня к этому подтолкнуло. Наверное, оттого, что ус бороды приятно пощекотывал где-то в глубинах кармана, ноги сами готовы были пуститься в пляс.

Внезапно из-за занавески чулана повалил густой-прегустой дым, а стены лесного дома стали ходить ходуном. Тем временем, невесть откуда взявшись, прямо из-под ступней, обутых в модные кеды, вылез небольшого размера гуманоид, внешне напоминающий хозяина хижины, только чуть зеленоватый и обладающий премногоискажёнными телесными пропорциями. Разрастаясь до привычного человеческого роста, он становился всё более и более прозрачным и призрачным, пока окончательно не стал подобен привидению. Только тогда он глубокомысленно молвил: “Эээх! Эхэхэх!” - и исчез, оставив вместо себя лишь дымящиеся занавески, з которыми вскоре замерцало какое-то таинственное свечение.

Подойдя к занавескам поближе, я очень доолгое время стоял в нерешительности, стоит или нет отодвигать их, пока на занавесках не появились пугающие тени, напоминающие древнее иероглифическое письмо в контурах животных и птичьих тел. Отдёрнув занавеску, я в отшатнулся в ужасе изумлённого томления: на меня в упор глядели десятки глаз. Стекланных глаз. Мёртвых глаз,

принадлежащих мёртвым телам. Все полки сверху донизу были плотно заставлены разнообразными чучелами. Здесь были собраны воедино почти что все обитатели чащи: и белки, и рыси, и кабаны, и медведи, волки, россомахи, козули и лоси на заднем плане за стеллажом, уставленным бессчётным количеством птах, мелких и не очень, обладавших оперением всевозможных цветов и оттенков, разве что попугаев не было. И уж совсем нельзя было сказать, что я был в восторге от открывшегося мне зрелища. Совсем даже в восторге не был, а как раз напротив - поспешил покинуть лесное убежище как можно быстрее.

Трёхцветные луны и земной шар над головой ярко освещали мне путь, усталанный, казалось, мириадами переливчатых и вспыхивающих алмазно-пиритовыми искорками камней, то загораясь, то померкнув, то вновь обретая светимость с нежданной ранее силой. От мерцания совсем скоро стало рябить в глазах, но присмотревшись, я понял, что объединяясь, все вместе камни на дороге образуют нечто наподобие гигантского экрана, имеющего протяжённость во всю дорогу. На экране как раз шёл мультфильм про постапокалиптических разумных лесных жителей. А, быть может, мне только лишь так показалось, ведь, как говорится, лицом к лицу лица не увидать, а из полудрагоценно-поделочных пикселей на дороге сложно выложить целостную мозаику изображения, стоя в центре прямо среди них самих.

Приглядевшись, я осознал вдруг, что вдоль тропинок леса отображаются какие-то анимированные стрелочки, указывающие безвестные направления. Рассудив, что эти стрелочки, вероятно, куда-то да ведут, ведь не зря же они здесь отображаются, я принял решение шагать прямо по стрелкам и уж было совсем задумался и замечтался, как вдруг над ухом раздалось громкое и прерывистое уханье. В стороне раздавшегося звука легко можно было заметить засевшую высоко на дереве сову неохватной толщины, плотно набитую изнутри, наверное, каким-нибудь сверхсекретным наполнителем и представляющую всем своим естеством существо знахарское чучело.

Сова ещё пару раз угукнула и повертела головой. Её перья красиво подсвечивались звёздно-многолунными лучами безоблачного ночного неба, а глаза сияли изнутри подобием ядерных батарей реактора, зияя провалами метеоритных кратеров, провалившихся сквозь земную поверхность в мягкое марево урановых шахт. Нежданный и негаданный шорох раздался в сей же миг где-то далеко сзади. Толстая тушка совы совсем уж осунулась, расперилась и стала походить на слегка переспевшего на ветке полузамёрзшего королевского пингвинёнка. “Эх, сова, как бы тебя назвать-то? А, ладно, зовись-ка ты Кондратом!” - сказал я вслух сове. Та сидела и, совершенно не мигая, смотрела на меня лимонными дольками стеклянных глаз. “Вот чем мы, Кондрат, по сути, отличаемся друг от друга? И ты из плоти, и я из плоти, и ты движешься, и я, как ты,

наверное, можешь видеть, тоже движусь. Но почему же тогда ты - чучело, а я - живой человек?"

Сова ухала и хмурилась, вертя башкой на все триста шестьдесят градусов, тогда как я продолжал: "Где, Кондрат, та грань, за которой заканчивается неживая природа и начинается живая? Там, где заканчивается обмен веществ? Но ведь никакие вещества даже не могут претендовать на то, чтобы именоваться носителями жизни. Высшая форма существования белковых тел, тоже мне определеннице! Или это лишь человек провёл грань между живым и не живым оттого лишь, что так было удобнее, а на деле не существует в мире никакой принципиальной границы, ведь всё взаимосвязано.

Взаимодействуя и воздействуя друг на друга чуть ли не через всю Вселенную, бессчётное количество сменяющих друг друга форм столь же бесконечно эволюционируют из мира материально осязаемого бытия в миры за гранью повседневных эмпирических наблюдений, ощущений и воззрений. Или каждый размещается на своём, только ему свойственном месте внутри брюха жирного и прожорливого эволюционно совершенного гиганта, имя которому - космос, один из множества себе подобных случайных наборов законов и свойств, включающих только к нему относящийся код, как код человека оказывается зашифрован в генетическом материале каждой из наших клеток.

Возможно, именно космос являет собой теоретически максимально достижимый уровень той эволюционно достижимой многомерности, которая вообще может быть раскрыта существом, обарщающимся скорее уж в сущность?" Кондрат всё молчал, ухал и крутил по сторонам своими блюдцеобразными иллюминаторами совиных очей, тогда как раздававшийся повсюду гул лишь нарастал. Вслед за осознанием громоподобно раскатывающегося гула, почти что мне за шиворот, посыпались из верхних частей крон деревьев лесной глуши всё это время преследовавшие меня, как оказалось, чучела из знахарских запасов, а из-за спины раздался раскатистый хохот деда: "А ты что, и взаправду думал убежать от меня вдаль? Как бы не так!" На этот раз не осталось и следа от той согбенно-шепелявой хрипотцы в его голосе, с которой заклинатель леса, явственно разыгрывая представление, разговаривал со мной доселе. Он продолжал тем временем: "Я - Великий некромант из Неувядших клубней, лес этот полностью подчинён воле моей. Разве не это есть милосердие - даровать вторую, практически вечную жизнь тем созданиям, которых их первая жизнь покинула, уйдя на все четыре стороны?"

С этими словами, рассмеявшись, хозяин лесасхватил меня за пояс и с удивительной сноровкой и грацией поволок в сторону стоявшего неподалёку дуба. Но тут у меня в кармане что-то тихо завибрировало. Первая посетившая мысль была: "Надо же, в какой неподходящий момент мне звонят!" Но уже спустя всего лишь мгновение, я отринул эту мысль как абсурдную - в такой глуши сигнал сотовых вышек не дотягивался, и предшествующие несколько часов пути я

шёл, что называется, вне зоны доступа. Тогда что же это могло быть? Я засунул руку в карман и понял то, что вовсе вылетело у меня из головы - там лежал оберег с бородой, да, да, он лежал там по-прежнему! Я вцепился в оберег что есть силы и заметил, как из кармана полезли тонкие вытягивающиеся нити волос, вырастая не то в подобие клубков змей, не то в какие-то гладко расчёсанные тентакли.

Великий некромант остановился и принялся испуганно озираться по сторонам, а до меня дошло очередное откровение волнами эманаций его страха, точно прочитал мысли, которые безудержно взвинчивались мельтешащим роем из области в районе его головы: “Это же главный оберег леса! Те самые знаменитые тентакли из пакли, о которых ещё было подробно разъяснено в книге по чёрной и белой магии Папюса. Реальная сила как для того, кто ею пользуется, так и для того, кто ей противостоит.”

Дальше, как во сне, я потерял контроль, войдя в достаточно необычное состояние сознания, в котором единственное, что я мог делать - это наблюдать происходящие со мной события со стороны. А происходило следующее: выбравшиеся на волю из кармана щупальца принялись с невообразимой скоростью заплетаться в тонкие, но прочные афрокосички вокруг Великого некроманта, в то время, как он исторгал из себя то ли дым, то ли пыль, как перезревший гриб-дождевик, на который наступили каучуковой подошвой ботинка. Прошло совсем немного минут, как вдруг щупальца отпустили старика, распались вновь на длинные седые пряди и втянулись обратно в мой правый карман, тогда как упавший на колени, вполне даже поверженный и свергнутый со своего лесного престола тёмный колдун принялся сдуваться, точно у него где-то была подоткнута затычка, и вот теперь у него эту затычку вытащили.

Вскоре, когда пыльный дым развеялся, я обнаружил в траве лишь маленькую соломенную куклу, обтянутую тонкими полосками дряблой телячьей кожи и похожей чем-то на куклу Вуду. Отряхнув её от земли, как ещё один собранный гриб, я положил бывшего некроманта, угнетателя и поработителя опять-таки себе в карман. На этот раз - в левый. И побрёл по тропинке дальше туда, куда глаза глядят. С тех пор в качестве брелка его и использую - замечательный получился брелок, просто замечательный. Надёжный. А с грибами я с тех пор завязал. Больше их ни-ни!

Белоусов Роман,

26 июня 2014 года.